

I. Возвращение

Антимилитарист

Свое письмо в редакцию газеты «Утро России» в декабре 1912 года Кропоткин закончил словами: «Тот день, когда возврат всех нас к свободной жизни станет возможным, будет, конечно, если доживу до него, счастливейшим днем моей жизни».

Он всегда стремился вернуться в Россию, в конце 1905 года уже был почти готов к отъезду, но задержало желание закончить начатые работы, за которые отвечал перед издателями, а потом начавшаяся в стране реакция заставила его подтвердить высказанное условие - разрешение на въезд в Россию должно касаться всех изгнанников, а не только его одного.

Совсем скоро, в августе 1914 года, возникло новое препятствие - разразилась мировая война. Ее Кропоткин предсказал за несколько лет до начала. Еще в 1902 году, по окончании англо-бурской войны, он опубликовал в английской печати статью под названием «одна война закончилась - где следующая?» В феврале 1904 года, когда вспыхнула русско-японская война, в письме в редакцию французской газеты «Le Soir» он высказал мнение, что столкновение на Дальнем Востоке «лишь прелюдия к гораздо более серьезному конфликту, подготовлявшемуся с давних пор, развязка которого произойдет около Дарданелл или даже на Черном море - таким образом для всей Европы будет подготовлена новая эпоха войны и милитаризма».

С первых дней войны Кропоткин стал ее страстным обличителем, однозначно считая виновником начавшейся бойни германский милитаризм, а кайзеровскую Германию - агрессором, которому народы Европы должны дать отпор. Собственно, на тех же позициях находилась вся интеллигенция Европы, возмущавшаяся преступной политикой руководства Германии и не смешивая его с народом который, как писал Ромен Роллан в открытом письме немецкому писателю Герхард у Гауптману «лишь слепым орудием в ее руках».

Кропоткин сразу же определил как единственно возможный и желаемый результат войны - всеобщий и вечный мир, полное прекращение войн в дальнейшем. Об этом написал он в брошюре «Конец войны - начало вечного мира и всеобщего разоружения», изданной в Петрограде в 1914 году в качестве приложения к газете «Народная копейка».

Но российские социал-демократы во главе с Лениным выступили с интернационалистическим, как они полагали, лозунгом - поражение своей стране, рассчитывая использовать ситуацию войны в интересах революции. Тех, кто отстаивал принцип защиты отечества, они называли «траншейниками», «оборонцами», «социал-шовинистами». Достались в статьях Ленина эти прозвища и Кропоткину. А будущий

генералиссимус Сталин, а пока лишь Иосиф Джугашвили, в письме, отправленном из туруханской ссылки В. И. Ленину, обозвал его в связи с его отношением к войне «старым дураком, совсем выжившим из ума»¹.

1 Пролетарская революция. М., 1936, N 7.

Действительно, как только началась война, Кропоткин послал из Брайтона, где он тогда жил, в одну из крупнейших в России газет «Русские ведомости» статью с оценкой положения в Европе в связи с военными действиями, развязанными германскими войсками. Потом он стал присылать эти письма-размышления регулярно. Они публиковались под общим заголовком «Письма о текущих событиях». Всего было напечатано десять писем Кропоткина из Брайтона. В первых из них он развивал мысль о том, что противостоять германской военной машине может только объединение все народов Европы перед лицом опасности. Ни в коем случае нельзя позволить Германии победить - результаты будут катастрофичны. В шестом и седьмом письмах, отправленных в феврале 1917 года, когда появились надежды на окончание войны, Кропоткин обращает больше внимания не на военные, а на экономические проблемы: в послевоенное время они, несомненно, выйдут на первый план. Он сравнивает характерные особенности экономического развития Германии, Англии, США, Канады, обращая особое внимание на тенденции, наблюдающиеся в эволюции американской экономики: «В Соединенных Штатах... вырабатывается новая политика обогащения страны путем одновременного развития как обрабатывающей промышленности, так и земледелия, а фабрики и заводы находят потребителей для своих товаров... среди собственного земледельческого и промышленного населения». Это наблюдение оказалось пророческим. В XX столетии США действительно стали богатейшей страной мира.

Но прежде, чем сбылось это предсказание, произошло событие, ради которого он почти полвека работал в России и на Западе.

Прощание с Англией

Как гром среди ясного неба в английских газетах появилось сенсационное сообщение: «В России - революция!». Начиная с 23 февраля, в Петрограде непрерывно проводились забастовки, по улицам шли манифестации, на заводах - митинги. Все это сопровождалось столкновениями с полицией. 26 февраля председатель Госдумы М. В. Родзянко телеграфировал царю: «В столице - анархия...». А раз снова возникло это слово-жупел, значит, действительно пахнет революцией.

На следующий день рабочие и солдаты почти полностью овладели городом, захватили правительственные учреждения. Петропавловскую крепость, освободив политических заключенных, и Зимний дворец. 2 (15) марта Николай II в своей резиденции в Гатчине подписал отречение от престола. Сформировано Временное правительство во главе с председателем Всероссийского земского и городского союза князем Г. Е. Львовым.

Наконец в России свергнута монархия. Впервые за тысячелетие страна осталась без царя. Общественный комитет Государственной думы опубликовал программу, первый пункт которой гласит: «Полная и немедленная амнистия по всем делам: политическим и религиозным...» Далее говорится о свободе слова, отмене всех сословных ограничений и о немедленной подготовке к созыву Учредительного собрания, выборов в органы местного самоуправления...

Кропоткин уже не числится в «государственных преступниках». Он может вернуться на родину, которую не видел более сорока лет.

Перед отъездом из Англии Петр Алексеевич направил в лондонские газеты письмо, в котором он поблагодарил за гостеприимство, за предоставленную возможность жить и работать, за доброжелательную атмосферу, которая окружала его в этой стране с первых дней, как только он причалил к ее берегам. Был он тогда никому не известным иностранцем с чужим паспортом, а теперь оставлял в ней очень много друзей. «Я вас благодарю за более чем братски прием...», - писал он.

С Англией связана едва ли не половина его жизни. Большая часть его книг и статей написана здесь - в Харроу, Бромли, Брайтоне, в библиотеках Королевского географического общества и Британского музея, которую он особенно любил, в гостиницах Манчестера, Бирмингама, Дарема, Глазго, Эдинбурга, в которых он останавливался во время своих поездок по стране с лекциями и докладами.

В Англии он написал лучшее свое историческое произведение - «Великая Французская революция» и издал свои мемуары, названные сначала «Вокруг одной жизни» и под этим названием изданные во Франции. Американские и английские издатели предпочли другое название - «Записки революционера», под которым та книга стала известна всему миру. Завершена разработка его биосоциологической теории: опубликован большая серия статей о проявлениях взаимопомощи среди животных и людей в различные исторические эпохи и в современном мире, издана в английском варианте книга «Взаимная помощь как фактор эволюции».

Здесь он был признан как ученый энциклопедического склада и стал постоянным автором статей в Британской энциклопедии и других подобных изданиях. Эта его работа высоко ценилась. И уже через много лет, в издании 1976 года можно было прочитать в посвященной ему статье Британники: «Он был авторитетом в области сельского хозяйства в такой же степени, как и в вопросах географии, и пользовался большой любовью и уважением в Англии»¹.

1 Enciclopediae Britannica. L., 1976. v. XIII, p. 505.

В Англии родилась его дочь Александра и внучка Пьерра. Ее решили пока не везти в Россию, а оставить в семье одного из английских друзей - Корнеллисона. В 1941 году ей суждено будет погибнуть во время одного из налетов немецкой авиации на Лондон.

Хотя Петр Алексеевич и говаривал, что пребывание в Англии он рассматривает как ссылку (пусть, добровольную) после французского заточения, и «второй родиной» она для него не

стала, но, несомненно, страна эта была ему очень близка. Возвратясь в Россию, он организует Общество сближения с Англией, призванное налаживать контакты между странами, прежде всего научные и культурные.

Дочь с мужем Борисом Лебедевым и Софья Григорьевна уехали раньше, а Кропоткин возвращается тем же путем, каким сорок один год назад прибыл в Англию. Из шотландского порта Абердин пароход доставил его в норвежский порт Берген, откуда на поезде через заснеженные горы - в Христианию, а дальше - Стокгольм, Финляндия...

В те дни в датском журнале «Ftesueren» («Зеркало») появилась статья известного литературоведа Георга Брандеса под названием «Размышления о революции», посвященная возвращающимся в Россию беженцам и политэмигрантам, в основном П. А. Кропоткину. Для него, как и для многих других на Западе, он был символом этой грядущей в России революции, подобной тем, что уже давно прошли в европейских странах. Она должна была произойти, ее все ждали.

«Среди русских беженцев, чье возвращение в Россию будут всячески приветствовать с русской стороны до тех пор, пока свирепствует подводная война, но которого, когда он приедет, будут встречать не только с почтением, но и с энтузиазмом, этот человек - Петр Кропоткин». Так начал свои «размышления» Брандес. Дальше он продолжал: Со смерти Толстого в России не было более великого человека, да и при жизни Толстого, Россия не имела более благородного человека, чем Кропоткин. Никто не пожертвовал для дела свободы больше, чем он. Никто не имел такого широкого образования, и никто с большей смелостью не выражал своих мыслей, которые многими не разделялись или не разделяются».

Брандес вспомнил русских студентов, которым он читал лекции в 1902-1903 гг. в Париже. «Мне не кажется, что у него много сторонников среди русской молодежи... Они преклоняются перед Марксом, и Кропоткин едва ли производил на них глубокое впечатление. Но его время еще придет...

Мы уже можем обнаружить влияние Кропоткина на русскую революцию в том, что она с усердием выступала за постановление, а не жаждала мести... (имеется в виду Февральская революция 1917 года. - В. М.).

То, что революция вообще произошла, вполне соответствовало учению Кропоткина. Никто яснее и с большим усердием не боролся против представления о том, что всякий прогресс должен происходить путем небольших, почти незаметных перемен изо дня в день, против теории эволюции, перенесенной из мира растений в человеческую жизнь... Но революция в природе также закономерна, как и эволюция. Мы все развиваемся постепенно, но духовная жизнь каждого человека имеет свои революционные периоды. Ведь в природе заметно изменяются климат и биологические виды, но в их изменении происходят внезапные революции. То же самое касается и общества. В природе Кропоткин всегда вновь находил свой анархизм».

А завершается статья так: «едва ли найдется лучший противовес тем учениям, которые восхваляют выравнивание и обращение в пыль, чем это учение, так что было бы желательно не только скорое возвращение Кропоткина в Россию..., но и осознание русскими революционерами того, что в нем они имеют мыслителя, который глубже, радикальнее, плодотворнее Маркса, у которого Европа научалась всему, что было можно»¹.

1 Brandes Georg. Revolutionsgrublerier. Tilskueren, juni 1917, Copenhagen, пер. С датского Турел Ойя.

Статьей Георга Брандеса либеральная интеллигенция Европы, исключительно хорошо относившаяся к этому необычному анархисту, как бы проводила его на родину, так давно им покинутую. Ему предстояла встреча с соотечественниками.

«Серебряный князь революции»

И в Европе, и в России Кропоткина относят к числу старейших русских революционеров (следующей после декабристов волны). Еще в Англии в одном из интервью он сказал: «В совершившемся у нас перевороте нет ничего случайного. Его первыми предвестниками были декабристы девяносто лет тому назад... Революция у нас в России развивается целое столетие и возврат к прежнему... безусловно невозможен».

Он снова проезжает через скандинавские страны, к которым у него давняя симпатия - все-таки это родина его далекого предка Рюрика и главный центр великого оледенения, изучением следов которого он с увлечением занимался. В шотландском порту Абердине он сел на пароход охранявшийся двумя миноносцами (ведь шла война) и прибыл в Берген. Из Бергена - через тоннели и заснеженные перевалы пересеченных железной дорогой Скандинавских гор поезд доставил его в Христианию. Оттуда он отправил телеграмму в Стокгольм лидеру социал-демократической партии Швеции Ялмару Брантингу. В шведской столице, принимавшей в 1864 году предшественника Кропоткина Михаила Бакунина, его очень тепло встретили - там анархистов такого масштаба не боялись. Состоялась короткая дружеская беседа с Брантингом и его коллегами, освещенная шведской печатью, речь в которой шла главным образом о положении в России. И Кропоткин отправился дальше на восток, вспоминая, как он вышагивал когда-то, осматривая карьеры, по шпалам еще только строившейся железной дороги.

Именно тогда им было принято решение, круто изменившее всю жизнь, но благодаря которому его так тожественно готовятся встретить в столице; об этом пишут газеты. Уже опубликовано его открытое обращение к русскому обществу: «Трудно выразить словами чувства, переживаемые нами при возвращении на родину после долгих лет изгнания. Еще труднее выразить счастье возвращения в обновленную, свободную Россию, - не по милости монарха, а по воле русского народа...»

Поезд с большим опозданием прибыл на пограничную станцию Белостров. Во время недолгой стоянки Кропоткин обращается с речью к собравшимся на перроне, стоя в дверях вагона. В ту же ночь, 14 июля, в 2 часа 30 минут Кропоткин был уже на Финляндском вокзале

Петербурга. Офицеры Семеновского полка, взявшись за руки, образовали ограждение вокруг приехавших, провели их на привокзальную площадь. Торжественная «белая ночь». Площадь заполнена огромной толпой (газеты писали: пришло 60 тысяч человек), оркестр играет «Марсельезу», ставшую и гимном новой России.

Встретить Кропоткина пришли министры Временного правительства, среди них - будущий его председатель А. Ф. Керенский. С ним Кропоткин не был знаком, но волею судеб адвокату Керенскому, возглавлявшему комиссию по расследованию обстоятельств Ленского расстрела в 1912 году, довелось побывать в тех местах, откуда началась Олекминско-Вимикая экспедиция Кропоткина. Пришел также старый друг Петра Алексеевича Николай Чайковский, уже несколько лет живший в России и занимавшийся организацией кооперативного движения, избранный председателем старейшего в России, независимого от государства, Вольного экономического общества. Пришла и дочь Александра.

У нее, на Рыночной улице, и поселился Петр Алексеевич. Сразу же его начали осаждать репортеры. Одному из них он сказал: «Я всецело в распоряжении родины. Я стар, но работать хочу и по мере моих сил работать буду...»

В газетах называли Кропоткин то «серебряным князем», то «дедушкой» русской революции. Екатерина Брешко-Брешковская, соответственно, была «бабушкой». Популярный журнал «Нива» поместил ее портрет на обложке с такой подписью: «Старейший из мучеников русской революции. Более половины жизни истинный борец за свободу провел в изгнании. Теперь, спустя сорок лет после своего бегства из заключения, П. А. Кропоткин вернулся на родину, чтобы стать в ряды созидателей новой жизни России».

Действительно, готов стать в ряды... Как? Да так же, как всегда - как в Швейцарии, во Франции, в Англии. По мере сил он участвует в митингах рабочих, матросов, офицеров. Первое выступление - перед уходящими на фронт выпускниками Академии Генерального штаба. Оно посвящено необходимости ведения войны до победного конца. Кропоткину казалось чрезвычайно важным не допустить распространения в народе очень опасной «психологии побежденной страны».

Он предупреждал об этой опасности еще в своих «письмах о текущих событиях». Свершившаяся революция обострила положение. Ведь так же было и во время Великой революции во Франции: страна терпела поражение все от той же Германии, и на гребне революции к власти пришел незаметный поначалу корсиканец Наполеон Бонапарт, сделавшийся «императором французов» и завоевателем мира. Предотвратить назревавшую в России гражданскую войну, можно было, по мнению Кропоткина, объединившись в борьбе с внешним врагом, оккупировавшим часть территории страны. Путь к освобождению не может быть проложен через болото национального унижения, вызванного подчинением военной силе. Интуитивно он чувствовал, что ослабление отпора внешнему насилию компенсируется усилием его внутри страны.

Спасаясь от репортеров, Кропоткин с женой и дочерью переехал в особняк на Каменном острове, предоставленный в его распоряжение голландским послом. В этот дом пришло однажды письмо от Керенского: перед отъездом на фронт ему хотелось бы встретиться с

Петром Алексеевичем. Сохранился ответ на письмо, написанный на обороте визитной карточки министра-председателя: «Глубоко сожалею, многоуважаемый Александр Федорович, что не могу приехать позвать Вам руку. Когда Вы вернетесь, непременно приду к вам».

По возвращении Керенский сам заехал к Кропоткину и предложил ему войти в правительство, вплоть до того, чтобы занять пост его председателя.

Кропоткин решительно отказывается: анархист не может входить в правительство. Тогда лидер демократической России предложил ему поехать послом в Англию, так хорошо ему знакомую. Но и от этого предложения Кропоткин отказался. Как и от предоставленного в его распоряжение для поездок на митинги личного автомобиля Керенского. При этом он сказал, обращаясь к дочери: «Нет, уже мы лучше на извозчике...»

Невольно приходит аналогия со знаменитым норвежцем Фритьофом Нансеном, сыгравшем большую роль в своеобразной норвежской революции, в результате которой страна разорвала унию со Швецией и стала независимой. Ему предложили стать королем Норвегии, но он отказался, сказав: «власть - не мое дело». Но, в отличие от Кропоткина, в Англию послом поехал - для молодого государства очень важно было наладить контакты со странами Запада. В России, конечно, ситуация была иной. Да и каждый из них был совершенно неповторимой, уникальной личностью. И все же их объединяло то, что оба они были великими гуманистами. Нансен, будучи прославленным ученым-путешественником, на время составил науку, почувствовав необходимость отдать все силы служению обществу, решению его проблем. После Второй мировой войны он стал известен миру не только своими героическими полярными походами и научными трудами, но и «нансеновскими паспортами» для военнопленных и беженцев, а также борьбой за оказание помощи голодающим в Советской России, куда он, лауреат Нобелевской премии мира, неоднократно приезжал.

В России после Февральской революции П. А. Кропоткин, считавшийся (и не без оснований) крайне левым, не примыкал теперь ни к одной из политических партий, хотя его пытались к себе привлечь и правые, не забывшие, что он по происхождению аристократ, и левые, видевшие в нем старейшего революционера. И даже приверженцы его идей - анархисты - не могли понять позиции своего идейного лидера; некоторые из них называли его отступником и даже предателем «идеи анархии».

Между тем, революция развивалась «сверху» и «снизу», в стране сложилось двоевластие. С одной стороны - коалиционное Временное правительство, считавшее своей задачей созыв Учредительного собрания, с другой - Советы, руководимые эсерами эсдеками (меньшевиками); быстро нарастала в обществе и третья сила - большевистская часть социал-демократической рабочей партии во главе с Лениным. От них-то и исходила угроза гражданской войны. Еще в апреле началось формирование вооруженных отрядов Красной гвардии, к июню 1917 года объединивших более десяти тысяч человек. Готовился насильственный захват власти.

Советы призвали к разоружению этих отрядов, но большевики не подчинились и 3(16) июля организовали в Петрограде и некоторых других городах вооруженные демонстрации под

лозунгами «Долой министров-капиталистов!» и «Вся власть Советам!» Произошли столкновения с правительственными войсками, в результате которых было убито более пятидесяти человек. Последовал очередной кризис в правительстве: из него ушли правые - конституционные демократы (кадеты). Временное правительство, которое возглавил А. Ф. Керенский, приняло на себя чрезвычайные полномочия, став единственным правителем страны. Двоевластие было устранено. Приняты и другие меры: запрещена Красная гвардия, арестованы некоторые большевики, Ленин привлечен к суду как немецкий шпион, укреплен дисциплина в армии, для заготовок хлеба отправлены комиссары в деревню... Но, несмотря на все это, дела шли все хуже. Социальные преобразования (даже обещанная эсерами крестьянская реформа) откладывалась на неопределенное время. Страна продолжала катиться к гражданской войне, к экономическому и политическому краху.

В этих условиях решено было созвать Всероссийское демократическое совещание представителей всех государственных и общественных организаций.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 7 июля 2025 20:34:13

██████████ ██████████ обновил 7 июля 2025 20:35:45